

ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА

Долгая и снежная или, наоборот, малоснежная, но непременно в наших краях морозная зима к середине календарной весны все-таки осознает, что пора бы уже дать дорогу и теплу. Снег все быстрее сходит с полей, задерживаясь дольше только в сосновых лесах. До травы еще далеко, но оживают ветки вербы — проснулись и начинают набухать почки; поднимаясь с каждым разом все выше и все дальше совершая дневной путь, солнце достает своими лучами до потаенных и недосягаемых для них зимой уголков гор и лесов, где спят лешие и медведи; повеселели и без конца затевают крикливую кутерьму воробы.

Наступление настоящей весны и передового дозора лета в Березовке знаменует собой вскрытие Заломной — быстрой, постоянно холодной и все еще сравнительно рыбной реки. Заломная — это название больше условное, потому что есть и другое — Чунгарга, данное в незапамятные времена. И то, и другое не очень-то удобны в произношении, поэтому местные больше употребляют слово «река» — ясно, о чем идет речь, поскольку других рек тут не наблюдается, в отличие от озер, которым нет числа. Пробуждение реки — это замечательное событие для жителей всех сел и деревень в округе, включая, наверное, и грудных младенцев. Повизгивают и прыгают на цепи собаки, сочувственным мычанием отзываются на грохот ломающихся льдин коровы, возбужденно кудахчут куры. Но, может быть, это просто выпадают такие космически активные дни, с полезными вихрями, несущими положительный заряд энергии, когда все начинает двигаться, кипеть и наполняться светом и звоном — падающих со взгорков ручьев; льдин, рассыпающихся на солнечных отмелях множеством тонких стеклянных игл.

Заломная крушила лед в начале мая, когда вовсю уже шли полевые работы и по вспаханной земле, натужно пыхтя, ползли, как разноцветные жуки, тракторы с культиваторами и боронами, заканчивая предпосевную подготовку. В унисон с рокотом тракторов раздавался то усиливающийся, то затихающий гром ломаемых рекой ледяных полей. Хотя некоторые из них в первом подходе оказывались неподъемными для нее. И то сказать: за зиму нарастали они в толщину до метра, в иных местах и больше, где река промерзала до дна. Гладкие синие, зеленые и черные плиты льда имели фантастический вид, отличный от любого окружающего пейзажа, будь это лес или ровные участки степи, солнечный или пасмурный день или лунная ночь. Такие купола-хребты, подтаяв с приходом весны у берегов, рушились с жутким грохотом; разламываясь, льдины громоздились друг на друга, забивая русло и приводя в неистовство поднявшуюся реку. Она разбрасывала по берегам мелкие расколотые льдины, выдавливая из воды и большие, но самые громоздкие ледяные поля подавались

под ее напором неохотно, с трудом проталкиваемые вниз на перекатах и в тесных берегах, где выворачивали глыбы земли, добавлявшие при обрушении свою долю в общий шум половодья. Подхваченные где-то на отмелях или вывороченные деревья вертелись в потоке как щепки, выныривая среди льдин.

К концу ледохода особо нетерпеливые рыбаки, и я в том числе, спешили попытаться счастья с удочками и закидушками в наиболее тихих заводях, но во взбалмученной воде пребывающей в шоке рыбе было чаще всего не до клева. Сетчатые и иные снасти в эту пору тоже не годились — их моментально забивало ветками, листьями и прочим мусором, того и гляди, в сеть могла вломиться и дождавшаяся своего часа коряга-топляк, поднятая со дна половодьем и решившаяся наконец посетить дальние страны. Но с каждым днем вода убывала, светлела, и подходило время несравненной настоящей весенней рыбалки, которую рыбаководы, не исключая и любителей подледного лова, ждали все долгие зимние месяцы.

ПЕРВЫЕ «ХВОСТЫ»

Ледоходом у Боркиных на приусадебном участке снесло часть изгороди, построенной совсем недавно. Несколько лет подряд половодье выдавалось вполне умеренным, и Эммануил Ильич решил прирезать к своему утугу полосу бесхозной земли у реки. Берег тут был заболоченный и никакой ценности ни для кого не представлял, но сотки полторы-две годились для сенокоса. Некоторые толковали, что вот-де Боркин крохоборствует, тащит все к себе как Плюшкин, — а проку, как и у того, что-то не видно. Напрасно они так думали, прок имелся: как говорил мой отец, бывший по работе в курсе многих дел, Боркины приобрели в областном центре года три назад благоустроенную квартиру и сдавали ее внаем, так что дополнительны́й доход у семейства был и помимо утомительного приусадебного хозяйства с грядками, сенокосом и живностью. Однако что правда, то правда — сам Эммануил Ильич был скуповат, но, наверное, только потому, что копил на хороший автомобиль. Имевшуюся «лохмотину» — старую «Ниву» ему надоело ремонтировать. Восстанавливать изгородь в прежнем виде — то есть на столбах — пока было невозможно: земля оттаяла еще не на всю глубину. И Боркин строил временную, вкопачивая сколько можно глубоко колья и прибывая к ним жерди.

Отцу моему в эти дни тоже было некогда, хотя он, так же как Боркин, рвался после долгого перерыва на рыбалку. Свободными из нашей прежней рыбацкой компании оставались я и наш аксакал Михалыч — Николай Михайлович Хромов, мой двоюродный дядька. Я прибыл в свою Березовку, как только в фирме, где начал работать, была затеяна реорганизация, до ее завершения мне предложили отпуск, разумеется неоплачиваемый, а Михалыч — он на пенсии. С ним мы и договорились сделать вылазку, рассчитывая, что сейчас, после ледохода, у рыбы хороший аппетит. Первым этот выход был только для бригады, поодиночке мы уже успели «промочить» удочки, надо сказать безрезультатно: было рано. Ни он, ни я не выловили ни одного «хвоста» (в хвостах измеряется штучный улов рыбы, в отличие от тонн, центнеров и килограммов при промышленном лове). Даже и сейчас в тенистых нишах берегов дотаивал лед, а цвет воды в реке все еще напоминал какао с легкой примесью молока. Я взял лодку и рюкзак с рыбацким хозяйством и поспешил к дядьке — его дом был по пути. В сенях слышалась какая-то возня и приглушенные ругательства хозяина, что было на него совсем непохоже. Подозревая, что прибыл сюда не вовремя, я осторожно постучал в приоткрытую дверь.

— Ты, Алеша? Заходи, — донеслось из сеней. Я с опаской вошел. В чулане супруга Михалыча, стоя на коленях, держала кота, прижав передние лапы к его

животу, а хозяин в кожаных перчатках пытался извлечь из пасти зверя леску с крючком, причем кот по временам насадно орал и пытался вырваться, а Михалыч в ответ ругался. Наконец спасательная операция увенчалась успехом: крючок был извлечен из алчной пасти и кот стремглав бросился прочь из чулана.

— Ой, не доведет вас до добра эта рыбалка! — корила хозяина его половина.

— Ништо, обойдется. Зато какая рыба! В магазине не купишь. Разве что кислую камбалу да минтая — живую водоросль.

— Кот теперь, наверное, только молоко будет. Бедный. Пойду налью.

— Да видишь, забыл с одного крючка мясо снять, такая промашка вышла, — обращаясь уже ко мне, объяснил Михалыч. — Червяков же нет, мясо вот. Ну что, готов?

Червяков еще действительно не было, и пока приходилось использовать в качестве наживки кусочки мяса да еще поденок-стеклях и их личинок, живущих под камнями в воде, а когда не оказывалось под рукой ни того, ни другого, то кусочки рыбы, главное — поймать хоть одну. Михалыч, используя свой «западный» опыт, пробовал взять рыбу на мятый хлебный мякиш и на шарики теста, скатанные с ватой, — такая наживка держалась крепко, но вот незадача — местная рыба совершенно игнорировала такое угощение. На обманку в мутной воде ловить было бесполезно. Так что практически единственной и наиболее надежной насадкой оставалось мясо.

— Хотя использовать мясо для кормления рыбы вроде как-то неправильно, — сказал Михалыч, когда мы вышли за ворота, — куда чаще, наоборот, рыбой кормят сухопутную живность, ну еще дельфинов там... С другой стороны, в преданиях глубокой и не очень глубокой старины встречаются описания таких наживок при ловле сомов и больших шук, как, например, утки, гуси и аж поросята, причем даже не просто в натуре, но жареные. Конечно, кто же устоит против такой наживки? Надо думать, рыбаки в те времена были не менее азартные, а, кроме того, вылавливаемая добыча стоила всех затрат. Скажем, сом, которого до дому можно было доволочить только на телеге. Теперь таких уж не выловишь, предложи им хоть индейку, печенную с яблоками.

Мы выбрали небольшую тихую заводь, которая уходила вглубь заросшего кустами луга, переходя в болото. Лодку решили пока не накачивать, а попытаться счастья на этом берегу залива, начав с закидушек. Внезапно в дальнем его конце раздалось хлопание крыльев и плеск воды. Мы поспешили туда, осторожно раздвигая кусты. Среди кочек с пожухлой прошлогодней травой в узкой части залива суетились две утки. То есть суматошно хлопала крыльями и ненамного отрывалась от воды одна, другая плавала невдалеке и, промчавшись немного в один конец, поворачивала и неслась обратно.

— Эх, нет Боркина с ружьем, — вполголоса сказал Михалыч. — Но все-таки чудно: а чего же они не улетают?

Тут только разглядели мы у трепыхавшейся утицы на ногах пучок серых нитей и поняли, что она запуталась в сети, занесенной сюда половодьем.

— Ну что, — спросил мой напарник, — выручать будем?

— Конечно, — без раздумий отозвался я.

Мы принесли лодку и стали накачивать ее, вселяя ужас в водоплавающих, особенно когда погрузились в судно и двинулись к ним. Свободная утка поднялась и, тяжело взмахивая крыльями, скрылась за кустами. Оставшаяся истошно пискнула, когда Михалыч схватил сеть у ее лап и вытянул часть снасти на поверхность.

— Держи ее, — приказал он, сунув отчаянно трепыхавшуюся птицу мне под мышку. Затем достал нож и методично принялся разрезать крепкие капроновые нити ячей, освобождая пленницу. Это не заняло много времени.

— Ну, отпускай!

Утка зашлепала по воде лапами, ударила несколько раз крыльями и унеслась через реку, совсем не в ту сторону, куда улетела первая. Наверное, на то у нее были свои соображения. Порядочно вымокшие во время возни с уткой, мы почли за лучшее развести костер и обсушиться. Выволокли сеть — она оказалась небольшая — и сожгли ее.

— Да-а, интересно начинается нынешний сезон, — в раздумье проговорил старый рыболов. — Ловим-то, правильно, хвосты, да все не те: то коты, то утки. Когда же будет рыба? — Он вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами и кивнул в сторону наших закидушек: две мы успели все же поставить.

— Думаешь?..

— Не знаю. Может, и есть.

Но уходить от жаркого костра мы не спешили — погода испортилась, подул сырой ветер. А скоро начал моросить дождь, вконец расстроивший небывалые рыбацкие планы. Оставалось свернуть свое хозяйство, не поймав ни одной рыбешки, и отправляться домой, увлажняя под мелким грибным дождем просохшую было одежду. Конечно, в установившуюся уже непогоду рыба обычно клюет хорошо, но уж слишком неуютно в середине мая рыбачить при ветре и под дождем. Все-таки не Бразилия.

ДЕНЬ КУПАНИЙ

Михалыч на этот раз избрал объектом для рыбалки Лиственничное озеро, протокой соединяющееся с Заломной — главной рекой Березовки и всех окрестных территорий, богатых на водоемы. Почему это озеро называлось Лиственничным, никто из старожилов и краеведов объяснить не умел: ни одной лиственницы нигде поблизости не было видно, по берегу реки, у протоки и с одной стороны озера густо рос лишь тальник да изредка попадались березы и кусты черемухи. Тальник был тут как нельзя кстати, поскольку наши березовские рыболовы не имели привычки таскаться на реку и обратно с удилищами, если речь не шла о спиннинге, — с собой брали только леску, крючки, обманки да грузила, удилище же срезали на месте. Тут береговая растительность могла предложить на выбор высокие и не очень кусты тальника, можно было найти и мощные, метров по пять-шесть хлысты для особо одержимых, норовящих достать рыбину из-под противоположного берега. Причем рыболов еще и забредал в воду, иногда по пояс. Чтобы хлестать такой снастью даже непродолжительное время, требовалось много здоровья, но уж и добыча стоила всех трудов — рыба, если был клев, попадалась отборная по величине, хотя и мелкие ленки, хариусы тоже не пропускали далеко засланную обманку.

Озеро такого экстрима не требовало — тут вполне годились рядовые по величине удочки, часто удилищами служили просто прутья, воткнутые в берег, — при поклевке они весело кивали вершинками, так что настоящий рыболов ответственного момента прозевать никак не мог.

Прошли дожди, вода в реке прибыла и пошла через протоку в озеро. Михалыч на рыбалку готов идти километры, по кустам и кочкам, кормить комаров и мокнуть под дождем. Словом, стопроцентный рыболов. Недаром же, выйдя на пенсию, сорвался он вместе с женой из теплого полузападного края аж в Восточную нашу Сибирь — все потому, что наслушался рассказов о богатой рыбалке от моего отца, а раза два и сам приезжал порыбачить. Березовка Николая Михайловича не разочаровала, хотя его супруга Аглая Тимофеевна привыкала к новому месту нелегко, поскольку к рыбалке никакого пристрастия не питала. Но, с другой стороны, — завязтая огородница, она несколько утешилась тем, что в Березовке имела место выдающаяся урожайность картофеля, а равно и других огородных культур.

— Наверное, кормовая? — сомневалась она попервости, выкапывая чудовищной величины картофелину. Но и в вареном, и в жареном виде картошка была отменной на вкус. Под стать ей вырастала и свекла, и прочий овощ; в страдную пору доставало времени его крошить, солить и мариновать. Тут еще и грибы, тут и ягоды: нету роздыху в страдное время хозяйкам. Хорошо еще, что им не надо в любую погоду чуть свет спешить на рыбалку — ведро ли на дворе или мелкий дождь, когда рыба особенно охотно берет на обманку.

Рыбацкие уголья окрест Березовки на любой вкус: тут и внушающая почтение река с быстринами и ямами, с рукавами и старицами, тут озера и многочисленные протоки и ручьи, в которых тоже водится рыба, и не одна лишь мелкая. Вооруженный капитальным трудом Сабанеева по ловле пресноводных рыб, Николай Михайлович не сомневался, что без улова он не останется. Его страсть несколько даже забавляла местных мужиков — хотя почти все они были рыбаками, днями пропадать на рыбалке мало кто был способен. Другое дело, если предпринималась какая-то особо крупная операция по ловле отборной рыбы в верховьях Заломной, на что уходило все же не больше двух дней. Долгую путину затевать не было смысла, поскольку девать лишнюю рыбу все равно некуда: покупать ее в Березовке и окрестных селах считалось зазорным, исключая зимнее время, когда магазины ввиду временного спроса наперебой завозили селедку, камбалу, минтая и многожды перемороженную горбушу. Со своей стороны, Николай Михайлович не совсем понимал их: имея под боком такие рыбацкие уголья, практически не преследуемые никакими рыбнадзорами, аборигены пренебрегали этими дарами, кроме разве что мальчишек, день-деньской летом пропадавших на реке, да и то больше в целях купания. Михалыч к рыбалке в Березовке подошел со своими западными мерками: основными полагал такие способы ловли, как донка, жерлица, перемет, вентерь, спиннинг ну и, конечно, поплавочная удочка. В настоящей ухе почетом должны пользоваться ерши, окуни, налимыя печень. Березовские мужики всем способам ловли предпочитали сеть и нахлыст. Что касается ухи, ничего не имели против налимыей печени и налима в целом, но и ему и окуням (а ерши тут не водились) предпочитали хариуса, ленка, а если был под рукой — то, конечно, и тайменя. Причем чаще все это употреблялось все-таки в жареном виде. И, надо сказать, тут они никак не заблуждались: мало какая рыба в умеренных широтах может поспорить, например, с жареным ленком или хариусом, запеченным на рожне.

— Михалыч, ну что ты мучаешься с этими паразитами? — случалось, спрашивал Хромова встретившийся где-нибудь у озера охотник, наблюдая, как тот протаскивает сквозь кочки и заросли осоки очередного карася. — Жаренные в сметане? Так они же костлявые, их есть невозможно! Лучше насади живца — может, щука цапнет.

Насчет живцов и шук Николай Михайлович и сам мог поучить кого угодно. Но все-таки опыт рыбалки у него был несколько иной. Ввиду таких обстоятельств он в качестве консультанта привлекал брата, когда у него было свободное время — в основном это в непогоду или ночью.

О, ночь! В непогоду попостившаяся перед ненастьем рыба брала хорошо. Больше всего, видимо, нравился рыбе (и рыбакам тоже) слепой дождь, когда при ясном солнышке вдруг начинало моросить, а то и дробно молотить крупными тяжелыми каплями, сбивая на землю и в воду зазевавшихся насекомых. В этот момент рыба как ошалелая бросается на все, что падает в воду, хватая иной раз и мусор. Если рыболов оказался в это время на месте, улов ему обеспечен. Жаль, летом свободного времени у отца днем выдавалось немного. В ночные походы выбирались чаще. Но рыбалка тут была узко специализированная — ловля налимов на закидушки, а в основном — таймешат и ленков на мышь. Надо сказать, что таймешатами в Березовке и окрестностях величали

тайменей весом килограммов до трех, свыше уже шли непосредственно таймени, но эта почтенная категория до того оскудела, что редко кто нынче может похвастать поимкой тайменя, не то что еще лет пять-десять назад. Даже и таймешата стали попадаться редко, в основном при ночной ловле на мышшь добычей становятся ленки. Этой охотой, да еще лучением не брезговали и коренные березовцы: промысел был достоин настоящего добытчика — во-первых, а во-вторых, сулил особо весомую добычу.

Мышь попервости представляла собой небольшую сверток бересты с грузилом внутри, обтянутой беличьей шкуркой и увешанный со всех сторон тройными крючками-якорями, толстая леска наматывалась на мощную спиннинговую катушку. Ночные разбойники реки попавшую в воду мышшь предпочитали любой другой добыче. Когда на поддельную мышшь попадался таймень, шум на вздремнувшей было ночной реке поднимался такой, будто ее форсировало стадо коров. Ленок тоже упорист и силен и, вертясь колесом, нередко срывается, особенно если был подсечен за губу.

Лучить мужики предпочитали с лодки: на носу ее крепили железную решетку, где разжигали смолье, и тихо двигались вдоль берега по небыстрым плесам и стоячим заводям, один с шестом, другой с острогой. Тут тоже подворачивались таймени и ленки, но чаще добычей становились налимы и щуки, да еще достойные остроги окуни, если острога не рикошетила от их крепкой чешуи. Смолье — это, конечно, классика, но в то же время и некоторый пережиток, равно как и берестяная мышшь. Раньше нравы были простые: с костром на лодке охотники за тайменями могли часами промышлять на виду у всей деревни, если тут была хорошая охота, — и ничего. Нынче не то: выезд с острогой по возможности маскируется, вместо костра — фара с аккумулятором, которую можно в случае необходимости моментально выключить и так же быстро включить. Ни отец, ни Михалыч острогу за достойное орудие лова не признавали, хотя тех, кто охотился с нею, не порицали. Ночные рыбалки требовали да требуют и сейчас, несмотря на весь прогресс, большой сноровки — как лучение, так и «мышиный» спиннинг. Последний с распространением безынерционной катушки стал проще в управлении, а можно себе представить, что случалось, если ночью у спиннингиста вдруг запутывалась леса — распутать в потемках такую «бороду» было выше человеческих сил.

Но основной при всей ночной экзотике оставалась все-таки дневная рыбалка. Тут напарником Николая Михайловича был учитель пения и ОБЖ Березовской школы Эммануил Ильич Боркин, среди школьного народа именуемый просто Мануил. В начале его школьной карьеры имелось у него еще одно неофициальное имя — Борька, но постепенно оно отпало — Борек разного возраста было достаточно, Мануил же был один на всю школу, а может, и на район.

— Мануил идет! — кричали школяры, завидев его с классным журналом в конце коридора, и спешили усесться за парты. Мануил — это звучало! Не то что, например, «Борька идет!». Не круто. Видимо, в отместку им всем меня Боркин звал Алексей. Но и я его — Мануил Ильич, как и все взрослые. Хотя в летнюю пору каникул он бывал занят на сенокосе — своем и кооперативном (за что кооператив расплачивался с ним сеном), но первую половину лета занимался только мелкими хозяйственными делами и к рыбалке тоже питал большое пристрастие. Он был намного моложе Николая Михайловича, но это не мешало им вполне понимать друг друга и быть на равной ноге, хотя частенько работающие относятся к пенсионерам с чувством превосходства и снисхождения, а те, в свою очередь, к более молодым — как, да простят они нас, — к недорослям. Здесь ничего подобного не отмечалось — оба вполне импонировали друг другу, в чем близко знающие их имели возможность неоднократно убедиться.

— Михалыч, — обыкновенно говорил при встрече Боркин, — ты послезавтра как насчет рыбалки?

— Положительно. Но, может быть, махнем в этот раз на озера?

— Давай на озера. Но если там не очень, сразу на реку, да?

— Ты, Ильич, главное, червей побольше захвати — клев все равно будет, не там, так там. А то обижаем мы озера. Как бы они не повернулись к нам задом, а последняя-то рыба будет в них. Река, поди, скоро надорвется.

— Да уж... Но нам еще хватит.

— Пусть отдохнет пока от нас.

— Лады. Благодарность ее не будет знать предела.

Всем хорош Ильич, но вот несколько слаб здоровьем: постоянно он держит при себе небольшую фляжку из нержавеющей стали, где содержится настойка каких-то лечебных трав, которую он время от времени и принимает. После этого у него розовеют щеки, поднимается настроение — сразу видно, что настойка идет ему на пользу. Не пьет он свое лекарство лишь во время уроков — оно будто бы имеет некоторый запах спиртного. Говорят также, что порой Боркин изготавливает спирт для производства лекарства сам, а бывает, что изготавливает и почти настоящий коньяк — не отличишь. Может быть, это и правда. По крайней мере, на лекарства он не тратится. Михалыч, хоть и старше годами, видимо, был крепче и никаких настоек с собой на рыбалку не брал, считая, что она и без того хороша сама по себе и сама по себе — лекарство.

В дни, когда консультанты первой руки были заняты, Михалыч обращал свой взор ко мне. Не то чтобы он был совсем уж несведущ в местных рыбацких делах, просто для полноты ощущений ему нужен был сочувствующий, а лучше — такой же увлеченный товарищ. Хотя наши взгляды на рыбалку не всегда совпадали, но обычно я охотно составлял ему компанию.

Мы с Михалычем, которого я, понятное дело, звал Николаем Михайловичем, расположились на кустистом берегу Лиственничного, рассчитывая, что здесь под пологом разросшегося тальника в его тени должна обязательно держаться рыба. Хотя я, в полном соответствии с березовскими традициями, был приверженцем «ходовой» рыбалки, однако и посидеть с поплавочной удочкой был не прочь, особенно если был клев. Поэтому мы без промедления закинули по одной удочке, потом еще по одной и сделали еще две донки. Пока неясно было, много ли здесь рыбы, но совершенно бесспорно — что тут пропасть комаров. Обычные серые и рыжие перемежались с более крупными зелеными, обладающими чем-то наподобие ушей и отличающимися особой кровожадностью. Несколько голянов, пойманных в продолжение первого часа рыбалки, никак не могли компенсировать те лишения, которые мы терпели от нападений комариных стай. Мы решили перебраться на противоположный, открытый берег, где были солнце и ветер. Захватив две удочки, двинулись в обход по кратчайшему пути — через протоку. Прибывшая вода добавила ей еще пару мелких рукавов, где в мутной волне, поднятой нами, можно было различить мальков, снующих меж куртин осоки. Но не только рыба мелочь паслась в этот раз на мелководье: при нашем появлении в одной из луж возникло бурное движение — раздвигая траву, в глубину протоки устремилась крупная щука.

— Гони ее обратно! — в азарте закричал Михалыч и начал топтать ногами, поднимая каскады брызг, но щука закусил удила и, не отклоняясь от намеченного курса, перла напролом. Тогда рыболов бросился на колени, рассчитывая придавить несговорчивую рыбу. Но нет, не фартило ему! Хищница вывернулась, и тогда старый охотник обрушился на нее животом, загребая под себя воду.

— Держи ее!

Увы! Рыбина ускользнула окончательно и бесповоротно, хотя в последний момент и я успел ухватить ее скользкий холодный бок и такой же скользкий хвост, за что поплатился немедленно: потеряв равновесие, полностью погрузился в протоку. Михалыч сплюнул в сердцах и стал стряхивать старые, пожухлые листья

пополам с брызгами мутной воды. Я был насквозь мокрый, и, выбравшись на высокий солнечный берег, мы выжали одежду, побросали ее на разогретую траву и принялись сушиться, благо солнце припекало вовсю. Выругав еще раз подлую щуку, Михалыч закинул, как и я, удочку. Окинув взглядом гладь озера, заметили мы, что посередине него плавает ивовая хворостина, хотя раньше ничего там не было. При внимательном рассмотрении оказалось, что это одно из наших оставленных удилиц — его на том берегу не хватало.

— Придется тебе навести порядок со своей удочкой, — сказал Михалыч, — что-то там серьезное, голян не утащишь бы удочку.

— Не утащил бы, — согласился я и, поскольку раздеваться уже не было нужды, сразу полез в воду. Изнывающее от жары озеро на деле оказалось невозможно холодным — должно быть, на дне его били неслабые ключи, хотя дна этого я уже скоро не доставал и поплыл, путаясь в водорослях.

Памятуя о коварной щуке в протоке, я опасался, что и здесь не обошлось без такой же зубастой бестии и как бы она, обозлившись, не тяпнула меня за голое тело. Успокаивало то, что на червяка щука, тем более здоровая, вряд ли бы клюнула. Добыча на другом конце снасти тем не менее сопротивлялась упорно, но это меня как раз и устраивало — что она не старается сблизиться со мной, чтобы осуществить свои зловещие замыслы. На этот раз все завершилось вполне благополучно: похитителем удочки оказался самоуверенный и бойкий окунь-горбач, который и был вытасчен на берег вместе с пучком нависших на поплавок и грузило водорослей.

— Ничего себе окунь, — отметил Михалыч, — справный. Если бы такие клевали, просто бы красота!

Но больше, как мы ни старались, ни на удочки, ни на донки ничего не попало, не увидели мы ничего достойного и в протоке, хотя наведывались к ней не раз, вооружившись палками с привязанными к ним ножами (варварское орудие, как признал мой старший товарищ, но охота же пуще неволи). Причина такого невезения объяснилась в полдень: с запада стала напирать широкая темная туча, выслав вперед порывистый, пахнущий дождем ветер. К перемене погоды рыба уж слишком чувствительна. Пора было натурально сматывать удочки.

Согласно незыблемой березовской традиции улов, чей бы и какой бы он ни был, делится поровну между всеми участниками ловли. Я вознамерился рассечь окуня пополам, но мой напарник категорически запротестовал, объяснив, что «бабушка помает, когда я буду приносить с речки по полрыбы». Мы посмеялись, а потом Михалыч собрал в свою сумку голянов:

— Для кота. Тут-то уж никто смеяться не станет.

Надо сказать, после купания в протоке Николай Михайлович дня три чихал и кашлял, но в конце концов простуда отстала — после того, как Боркин, прослышав об этом недуге, заставил товарища выпить полбутылки перцовки, в то время как другую половину выпил он сам за дружеской беседой об охоте и рыбалке. Успех лечения закрепили они настойкой из известной фляжки, выпив все, что в ней было. Хороший мужик Боркин, и рыболов отменный. Он всегда с рыбой, но вот выдающейся рыбины ему поймать не случилось. По каковой причине он одно время завидовал Николаю Михайловичу, у которого такой случай был.

КАК НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОКАЗАЛ КЛАСС

Не вдруг Николай Михайлович вписался в березовское неформальное общество рыболовов. Это потребовало довольно длительного времени. Но один эпизод ускорил признание его как умелого добытчика.

Памятуя о том, что именно в ранние часы бывает самый активный клев, Михалыч с Боркиным как-то ранним июньским утром, когда еще стоял густой туман и остро пахло отцветающей уже черемухой, двинулись на реку. Боркин — в болотных сапогах, чтобы рыбачить вброд, и с дужиной невзрачных на вид, но уловистых обманок в «рыбной» сумке, его напарник — с запасом закидушек и поплавочной удочкой, каковой инструмент в Березовке совсем не котировался. Боркин не раз говорил Михалычу, что-де такая удочка — это удел ребятишек и не подобает взрослому мужчине заниматься такими пустяками. Но Михалыч был очень предан поплавочной удочке и в ближайшей перспективе отказываться от нее не собирался.

— Сейчас возьмем парочку ленков, — самоуверенно говорил Боркин, — лишь бы ветер не поднялся.

Срезали удилища, каждый на свой вкус. Хромов, то есть Михалыч, поставил по ближним ямам три закидушки и забросил удочку с поплавком а-ля гусиное перо, к какому сызмальства, как он говорил, питал пристрастие. Прочно усевшись у тихого плеса, залитого золотом лучей поднявшегося над лесом солнца, он напрочь забыл обо всем, кроме своих удочек и реки. Он имел полное право рассчитывать в этот ранний час хотя бы на небольшой улов, но втайне надеялся, как и всякий рыбак, на настоящую удачу — не зря же вчера целый вечер копал червей, ушедших глубоко в землю, отгоняя наглых куриц, гораздо охочих до червяков. Боркин тоже не терял времени, начав полосовать реку своей внушительной снастью: считая те два метра, на которые он удалился от берега в своих болотных сапогах, четырехметровое удилище и пятиметровую лесу, обманку он посылал не менее как на десять метров — почти на середину реки. Это усердие было вознаграждено: скоро он подсек и вытянул хорошего хариуса; шмякнув его темечком о комель удилища, чтоб не трепыхался, забросил в сумку. Тут надо сказать, что нахлыстовики и вообще серьезные рыболовы в здешних местах не таскают с собой емкости с водой, где бултыхается выловленная рыба, не озабочены они также садками, подсачеками, багориками и прочей громоздкой и бесполезной при нахлысте амуницией. В холщовой или другой тряпичной сумке крупная рыба может без всякой консервации выдержать полсуток и не испортиться, а если ее еще переложить травой, то срок хранения увеличится вдвое.

Скоро у Боркина было уже полдесятка красавцев хариусов. Но и отмахал он со своей снастью с полкилометра, не задерживаясь подолгу на одном месте. У Хромова меж тем дела обстояли неважно: поплавок удочки застыл посреди заводи, как вбитый гвоздь, и только один раз он неуверенно нырнул вглубь, вследствие чего немедленно был выловлен скромных размеров елец. Солнце припекало все истовой, всю трещали кузнечики на выгоревших от зноя полянах; ближе к воде, в тени деревьев и кустов, плыл тонкий шлейф запахов разомлевшей земли и всей покрывающей ее флоры. Изредка набегал легкий ветерок, дувший в сторону, противоположную движению облаков. А рыба все не клевала. Впору было уснуть. Наконец из-за дальних кустов ниже по течению показался притомившийся Боркин. Плечо оттягивала потяжелевшая сумка.

— Девять штук, — сообщил он, — но ни одного ленка. Еще один, подлец, сорвался. Что, двинемся домой? — Он дипломатично не спросил, каков улов на стационарной точке, заметив обескураженный вид старшего товарища. Смотали лески, а потом Михалыч пошел снимать и закидушки, которые проверил незадолго до того. Последняя из них встретила его яростным рывком прута-удильника, но рыболов не выпустил его. Куда! Даже поклевка средних размеров кита не заставила бы рыболова выпустить снасть: по жизни невозмутимый Михалыч был одержим рыбалкой. Но вряд ли это был кит — здесь они отродясь не водились. Следующие потяжки были хоть и сильны, но уже не такие резкие. Боркин принимал в операции самое деятельное участие.

— Бери левой, левой! — придушенно кричал он, напрягая и без того возбужденного до крайности Михалыча.

— Да беру, беру! — отмахивался головой Михалыч, не успевая сообразить, где лево, а где право.

— Не поднимай леску, не поднимай! — стонал Боркин.

— Да не поднимаю! — в сердцах отвечал Михалыч, пятась по вязкому песку и стараясь не упасть.

— Ты, как жетяся, змею поймал! — закричал затем Боркин, вглядываясь в глущину. — Здоровая! Удав, может быть? Из зоопарка сбежал, — не совсем кстати предположил он. — Но зато удавы не ядовитые. Лишь бы второй не подоспел — говорят, они ходят парами.

Убийственная догадка напарника не смутила старого рыболова и не охладила его охотничий пыл. Смягчая как только можно рывки упиравшейся добычи, он в конце концов выволок ее на берег. Это оказался налиим, тяжелый и скользкий, весь изрисованный мраморным узором. Он моментально развернулся головой к воде, как только освободился от крючка, и резво двинулся вперед, но подоспевший Боркин своими громоздкими сапогами отпинал добычу подальше на берег, жутко вываляв ее в песке.

— У-уф! Вот собака! Я-то подумал — змея.

Михалыч дрожащими руками ухватил налима за жабры и потащил подальше от воды, на всякий случай.

Дома весов не было, но на обычный стол налиим не поместился — хвост свешивался едва не до полу. И понятно же было, что ветерану уды натурально повезло, может и не совсем заслуженно, поскольку не бродил он в реке по осклизлым камням и не махал беспрестанно тяжелым сырым удилищем. Но не судят победителей. Полутораметровый налиим был навсегда занесен в послужной список нового березовского рыболова, хотя, в общем-то, не был здесь дивом.

— Всю жизнь тут рыбачу, а такой большой рыбешки не ловил, — признался Боркин. — Самая большая была — таймень килограммов на семь-восемь. Не везет!

— Поймаешь! — пророчествовал именинник.

Это было давно, но увесистей того тайменя Эммануил Ильич так больше пока и не поймал.

НА ДАЛЬНИЕ ПЛЕСЫ

Сенокосная пора была в разгаре, но некстати прошедший проливной дождь заставил кормозаготовителей взять тайм-аут, по крайней мере, дня на два, пока не просохнет скошенная трава. Это время Николай Михайлович и Эммануил Ильич решили посвятить «удаленной» рыбалке, отправившись на промысел в верховья Заломной километров за пятьдесят, с ночевкой. Намеревались также включить в бригаду моего отца, но у него и помимо сенокоса были в эти дни рабочие дела, и он с сожалением отказался. Третьим тогда позвали меня. Почему ехать должны были именно трое, в общем-то, понятно: лодка наша на более обширную компанию не рассчитана, а числом меньше трех человек попросту нерационально предпринимать дальнюю вылазку. Я быстро собрался и с нетерпением ожидал старта. Но не все было на этот раз просто. Мероприятию предшествовало выяснение, где можно порыбачить по-настоящему, от души. Заветные места, конечно, были, однако же они не сулили верной добычи: как повезет. Края наши стали не такими рыбными, как были, увы и ах.

— А может, махнем слегка на севера? — предложил вдруг Боркин. — Там вот рыба так рыба! А сено все равно уберем. Одна неделя ничего не решает.

— Ну уж нет! — запротестовал, не дослушав, Михалыч, обычно безоговорочно поддерживавший любое «рыбное» начинание. — Бывал я на всяких северах, и на югах тоже. Не шибко-то понравилось мне.

И он тут же рассказал, как ездил специально за тайменями. Жил он тогда в западных своих палестинах, работал, понятно, но для рыбалки выкраивал время и тогда. И был у него товарищ, тоже заядлый рыбак. Вот как-то приносит он журнал «Рыболов-спортсмен», и там помещена статья или очерк «На Иркут, за тайменями» — так рассказывает про охоты на тайменей, просто слюнки текут. В журнале том постоянно пишется про уловистые места и рыболовы приглашаются в эти края на рыбалку. Друзья все никак никуда не могли собраться, но тут твердо решили — едем! Приз — таймень, килограммов десять — пятнадцать, а если повезет — и больше. И вот приехали они в Иркутскую область, от Иркутска еще с сотню километров вверх по Иркуту. И видят: там и тут куда-то стремятся бригады мужиков с палатками, котлами, топорами, термосами и спиннингами — кто на попутках, кто на моторных лодках, кто просто пешком.

— А вы куда, если не секрет?

— Да уже не секрет: дальше на Иркут, за тайменями!

Местные рыбаки, наверное, гораздо осерчали на автора очерка про Иркут и тайменей — зачем трепаться на всю страну? Что до Михалыча с его приятелем, то на двоих они поймали семь ельцов и два окуня — Иркут все-таки не стал скупиться. В итоге было потеряно четыре дня и вера в порядочность рыбацкого племени: ну зачем же было всем ломиться на Иркут? Ругали и себя: как было не учесть, что на Иркуте как раз стоит более чем полумиллионный Иркутск, где и своим рыболовам нет числа, а еще в местностях вверх по реке?.. И смех и грех. Михалыч с той поры предпочитал вести изыскания по рыбной части на месте, там, где проживал, будучи твердо уверен, что рыбу можно взять при любых обстоятельствах, лишь бы она вообще была. Березовка здесь имела стопроцентное соответствие. Еще и потому, что из неудобных дальних мест, к которым безусловно она относилась, вывезти в сохранности улов невозможно — не нанимать же вертолет из-за десяти или даже ста килограммов пусть и первосортной рыбы. Поэтому заезжих добытчиков бывало тут немного.

— Да и какие еще тебе севера, Ильич? Мы и так живем на севере.

— Ну так, значит, и постановили: едем вверх на Чунгаргу, — подытожил Эмануэл Ильич. — Ты, Лексей, как — не против?

— Не против я, не против, давайте уже ехать! Лето кончается.

К выездной рыбалке подготовились мы как следует: взяли палатку, надувную лодку, резиновые сапоги и к ним — еще одни болотные, Боркин захватил свою старую двустволку с набором зарядов от утиной дробы до жаканов, взяли спиннинги, большой запас других снастей, а также еды. Не забыли даже про червяков. До места пообещал доставить знакомый Боркина, который отправлялся туда, чтобы вывезти из дальней деревни пару бочек, заказанных у тамошнего мастера.

В назначенный срок авто, точно, появилось. Это был УАЗ-фургон, расхлестанный, хлебнувший на своем веку лиха: одна дверца его запиралась посредством молотка, ручка которого вставлялась в скобу дверцы и упиралась в «косяк»; треснувшим в двух местах было лобовое стекло, будку украшали вмятины, но в остальном машина выглядела достойно, без больших проблем преодолевая залежи грязи в колеях проселочной дороги.

— Ну, хорошо нам добраться! — пожелал всем Боркин, как только автомобиль ревматически заскрипел суставами.

Еще до полудня прибыли к намеченному пункту и стали определяться, где разбить лагерь. Берег реки, по которому шла дорога, был болотистым, с зарослями низкорослых густых кустов и куртинами дикого лука, поднимавшегося выше колен;

его мы оставили на потом, если будет время. Там, где начиналось это болото, на повороте реки раскинулась широкая галечная отмель, сплошь заваленная старым занесенным илом и новым топляком — от мелких кустов до больших деревьев с корнями, ободранной корой и поломанными сучьями: Заломная вполне оправдала свое название, особо буйствуя в половодье.

— Да-а, в таких местах грех не поймать рыбы, — сказал Михалыч.

— Главное, чтобы рыбаков нам тут поменьше попало, особенно на моторках. А лучше бы и совсем не попало, — отозвался Боркин.

Словно в насмешку где-то послышался стрекот мотора.

— Фантастика! — я посмотрел на Боркина. Он неизвестно кому погрозил кулаком. Михалыч засмеялся, а я стал выискивать, откуда доносится звук. Это оказался всего-навсего самолет рейсом Москва — Владивосток. Но, может быть, это был совсем другой рейс и Москва тут совершенно ни при чем, как, возможно, и Владивосток. Во всяком случае, конкуренция нам с его стороны не грозила. Вот если бы вертолет — тут можно ждать чего угодно.

— Один ноль в нашу пользу, — подытожил я.

Накачав лодку, переправились на противоположный, высокий берег. Он сразу понравился мне: за прибрежными кустами открывалась обширная поляна, сплошь усеянная жарками; это пылающее в солнечных лучах поле уходило вверх по течению реки, раздробляясь в дальнем конце купами кустов черемухи и березовыми островками, по берегу его окаймляли густые заросли тальника с редкими толстыми ивами. Громко трещали кузнечики, деловито сновали пчелы, носились голубые и зеленые стрекозы.

— Райское местечко! — оглядывая пейзаж, заключил Михалыч и от удовольствия поцокал языком. Боркин развел руками, словно давая понять, что сделал все, что мог.

Жаль, нигде здесь лагерь разбить было нельзя: крутой обрывистый берег тянулся метров на триста вверх по течению и еще больше — вниз. Рыбачить можно было только легкой удочкой, выбрасывая мелкую рыбешку на двухметровую высоту. Решили спуститься ниже, где берег опускался, а жарковая поляна сменялась мелкоколесьем и кустами, иные из которых могли бы поспорить с хорошим деревом. Место, где решили устроить бивак, было окружено мощными черемухами и ивами, внизу переплетенными тальником, красноталом и высокой редкой травой, которая тянулась ввысь за древесной растительностью. Все вместе было таким дремучим, что казалось, здесь вообще не ступала нога человека.

Невдалеке от лагеря обнаружился заросший по берегам осокой, глубокий и протяженный залив — подходящее место для закидушек и поплавочных удочек, а также для жерлиц.

— Т-с-с! — Боркин, который взял на разведку ружье, вдруг остановился и сделал предостерегающий знак рукой. Все замерли, глядя в ту сторону, куда смотрел он: возле самого берега, едва не касаясь хвостом травы, стояла довольно крупная щука. Медленно поднялось ружье. В одном стволе его был патрон с картечью, так что щуке не поздоровилось бы, не будь в природе такого фокуса, как преломление света. Там, куда целился и точно попал охотник, щуки не было, она стояла несколько поодаль и куда делась, никто в суматохе не разглядел. Зато хорошо видно было, как от берега брызнула веером стая мальков: несчастные рыбешки так спешили убраться подальше, что выпрыгивали из воды, иные — переворачиваясь и сверкая на солнце серебристыми брюшками. Этим дело не ограничилось: одновременно с бегством рыбьей мелочи с конца залива, скрытого кустами и травяными кочками, взметнулась стая уток и, панически хлопая крыльями, унеслась прочь, просвистев над нашими головами. Боркин не успел даже вскинуть ружье.

Но и это было еще не все.

— Колька, ты чего там палишь? — раздался из-за ближних кустов недовольный женский голос, вслед за чем послышался треск ветвей и на поляну выкатилась дородная баба в ветровке, с красным пластмассовым ведром, почти доверху наполненным фиолетовыми ягодами жимолости. Все это смотрелось очень гармонично и колоритно.

— А где Колька? — спросила она, оглядывая обнаруженную компанию.

Для Боркина это было уже слишком.

— Не видели. А стрелял я. По уткам, — ворчливо сказал он и закинул ружье на плечо, давая понять, что здесь нам больше делать нечего. В самом деле, о том, чтобы начать рыбалку здесь, уже нечего было и думать. Оставив бабу размышлять, куда же подевался бездельник Колька, мы вскоре погрузились в лодку и отчалили.

— С полкилометра минимум надо отойти, — сказал Михалыч.

— Да уж, не меньше, — согласился Боркин.

— А может, посмотреть, что там выше? — предложил я.

— Только время потеряем, Алексей, — возразил Боркин.

День был все-таки не наш, по крайней мере, первая его половина. Не успели мы проплыть и ста метров, как за одним из речных поворотов лодку неудержимо потащило под «навес» — несколько деревьев, подмытых паводком и нависших над водой. Два маленьких, почти игрушечных весла бесславно проиграли битву против мощной стремнины, завладевшей несчастливым судном. В мгновение ока нас протащило под ветвями, буровящими поток, и вышвырнуло по другую сторону навеса, отплывающих и хватающих ртом воздух. Лодка была полна воды, но показала себя в высшей степени доблестно: вынесла из-под навеса весь доставшийся ей груз воды вместе с пассажирами и скарбом к острову, где мы моментально пришвартовались, чтобы прийти в себя и оценить потери. Они были чисто хозяйственного свойства, что, в принципе, можно было пережить. Размокла часть провизии, которая не была в банках и полиэтилене, пропал также мешок с хлебом и картошкой. Все, что осталось в нашем распоряжении, было разложено на траве и развешено на кустах для просушки, включая ботинки, сапоги и носки. Боркин продувал открытое ружье и ругался.

— Река взяла свое, — ворчал он, — нет бы самим догадаться, покапать водочкой, поднести закуски, подарков. Ведь первый раз здесь. А теперь вот пожалуйста. Хорошо еще, сами не булькнули вместе с картошкой.

И он от пережитых волнений дня хватил не иначе сразу полфляжки того напитка, что взял на этот раз. Надо думать, не своей лекарственной настойки, потому что потом Эммануил Ильич преклонил колена и два раза отхлебнул из ладони, зачерпнув речной воды, чего он никогда не делал, выпив своего обычного лекарства.

— Да, промашку дали, — выслушав эту речь и оценив первые результаты похода, сказал Николай Михайлович на полном серьезе. — Ну так ты покапай как надо.

— Да уж поздно. Река взяла, что хотела. А нам — предупреждение, чтоб умней были.

Михалыч почесал в затылке, посмотрел на реку и пошел выбирать удилище. Хотя Заломная и осерчала на нас, гнев ее был недолог: островок нам попался веселый, сплошь усыпанный на открытых местах земляникой; в ложбинах густо рос хвощ и желтые лилии, молодая поросль тальника пробиралась на песчаную отмель в начале плеса, по берегам обоих рукавов живой изгородью стоял уже многолетний тальник. Основное русло за островом разливалось в большой омут, что при известном везении сулило неплохую добычу; протока, огибающая остров с другой стороны, быстрая и глубокая, тоже добавляла водоворотов в этот омут, и в ней беспрестанно плавилась какая-то рыба мелочь. Солнечные ванны мы принимали без отрыва от рыбалки, задача была не обгореть, потому что солнце, в наших краях особо жаркое в первой

половине лета, в эти дни было в особенном ударе. Михалыч забросил на середину омута трехкрючковую донку, почти перемет, и еще снарядил поплавочную удочку для ловли вполовды. Пока он проделывал все подготовительные манипуляции, послышался плеск вываживаемой рыбы и почин был сделан: Боркин выловил на обманку небольшого ленка. Я, чтобы на яме не стало уж слишком тесно, испробовал собственноручно изготовленную небольшую обманку на протоке, поймав за полчаса двух хариусов. Тут кучно шныряли ельцы, взблескивая сквозь прозрачную воду серебряными боками. Но обманка моя этих не прельщала, и, как ни старался я соблазнить их вполне натуральной наживкой, затея не имела успеха. Я подкидывал им кузнечиков, бабочек-боярышниц с оборванными наполовину крыльями — все старания были напрасны. Раздосадованный, отправился к Боркину.

— Там, Мануил Ильич, прорва ельцов, но, паразиты, ни на что не берут. По-моему, они бредня дожидаются. Может, процедим?

— Ну если они такие неразумные, как ты говоришь... — Боркин отложил удочку. После первого пойманного ленка у него с клевом тоже было неважно, «просто как обрезало», и мы, не откладывая, завели бредень с самого верха протоки. На середине дистанции стало понятно, что без рыбы мы сегодня не останемся — бредень тяжелел с каждой минутой.

— Ну, Лексей, есть нам сегодня ухи не переест, — задыхаясь от спешной протяжки бредня, просипел Боркин. Я только согласно затряс головой.

Михалыч, разжегший меж тем костер и готовившийся сварить уху из ленка и хариусов, был призван на подмогу: гнать рыбу нам навстречу, не давая уходить ей из протоки в омут. Результат всей операции был впечатляющий — ведра два ельцов, среди которых попадались хариусы и окуни. Встал вопрос, что делать с этой грудой мелкой рыбы — хоть не голяны, но чистить весь улов от внутренностей, даже не тратя времени на чешую, — задача непростая. Запас соли у нас был порядочный, но, если даже всю пойманную рыбу засолить, все равно надо торопиться домой.

— В запасе у нас не больше суток, — решил Михалыч.

А Боркин попенял мне:

— И надо же было тебе нарваться на этих ельцов. Теперь вся наша рыбалка погибла.

Тем не менее все были довольны.

Почти весь остаток дня, после того как без хлеба была съедена уха, сваренная без картошки, но зато с крупой и луком (какова и должна быть настоящая уха — по замечанию Михалыча), был потрачен на потрошение и засолку рыбы. Сложив ее затем в крапивный мешок, взятый для особо крупной добычи, мы замотали его в мокрый бредень и пристроили на влажном песке в тени берега.

— Интересно, чего это они собрались толпой в протоке? — спросил я.

— Бывает, — заметил Хромов. — Есть сезонные миграции, есть у них общие походы вверх-вниз по реке, когда вода прибывает или убывает. Но другой раз скапливаются и бегут куда-то вроде без всякой нужды. Это как лемминги: иногда собираются миллионами и — в море. А плыть-то могут всего метров сто. Н-да.

— По идее, тогда рыба должна бы выбрасываться на берег, — заметил Боркин. — Это было бы кстати.

— Так ведь и выбрасывается, случается. Как киты, например. Хотя кит и не совсем рыба. Даже и совсем не рыба. Но любой рыбе нос утрет.

— Ну, от наших-то ельцов не дождешься, чтобы они полезли на берег. Бывает, вообще скрываются куда-то, как будто их и вовсе нет. А как бы хорошо — вышел с совковой лопатой, с мешком...

— Федоров, который отец, вообще не знает, что такое ельцы. Не ловил он их никогда, — встретил я.

— То есть как это? — удивился Хромов.

— Ну, крупную рыбу всегда ловил, на большую обманку.

— Ты-то откуда знаешь? — полюбопытствовал Боркин. — Всякий порядочный рыболов начинается с гольянов, потом ельцы, караси.

— Колька Федоров говорил — отец представления не имеет об ельцах.

— Наверное, он, отец этот, родился уже старым, как Вьянмяейнен, — предположил Михалыч.

— А скажи, Алексей, — вкрадчиво спросил Боркин, — Колька тоже не знает ельцов, не ловил?

— Ну, Колька-то знает, вместе не раз ловили их.

— А куда же он их девал, — коварно улыбнулся Мануил, — выбрасывал, домой не носил?

— Не знаю. Отец, может, думал, что это такие недоросшие хариусы, — не сдавался я.

— Федоров-то любитель прихвастнуть, — поднял указательный палец Боркин. — Колька в него. Вот и весь елец.

Оставшееся время провели за установкой палатки и обороной от комаров, которые к закату солнца двинулись на нас большими силами. Все же день мы завершили рыбалкой: Михалыч забросил в облюбованную им яму еще одну закидушку, наживив ее ельцом особым, нетравмирующим способом, а Боркин прошелся вдоль берега со спиннингом, соблазняя хищников глубин своим любимым воблером, но ничего не поймал. Перейдя протоку, мы с ним двинулись попытать счастья на обманку — он вниз, а я вверх по течению. Солнце садилось, и бродить было уже зябко, но все же я влез в воду по колено и забрасывал обманку достаточно далеко, чтобы надеяться на хорошую добычу. Рыбалка моя в этот день закончилась у подлого навеса, под который я настойчиво заводил обманку. И напрасно: в один из забросов снасть передала в руку резкий удар, подсекать даже не было нужды, рыба подсеклась сама. Но на этом удача и закончилась: крючок, не рассчитанный на слишком габаритную рыбу, при очередном рывке ее сломался и бесполезная теперь леска вылетела из глубины и позорно шлепнулась в воду у моих ног. Заменить погибшую обманку на новую вместе с поводком было минутным делом, но все последующие забросы вплоть до нашего острова никакого успеха не имели. А Боркин поймал очень крупного хариуса и, доставая его из сумки, осторожно держал обеими руками, будто стеклянного. Рыбина того заслуживала: высоченный и яркий спинной плавник, ярко-желтые полосы по коричневым бокам и вся она яркая, как бывает у хариусов-патриархов. В длину он был сантиметров около сорока и весил, должно быть, не меньше килограмма — почтенные размеры для этой речной молнии.

Михалыч, который с острова не отрывался, уже стоговал на ужин печеных ельцов и рисовую кашу, запивали мы все это крепким чаем с дымом и мелкой мошкаррой, которая напиток никак не портила. Посидев еще немного у огня и обсудив все события прошедшего дня, отправились на ночлег. Слабые блики догорающего костра, пробегающие по стенке палатки, и плеск ночной реки не нарушали нашего покоя, как и начинающий густеть туман.

ПРИУСАДЕБНЫЕ КАРАСИ

К началу уборки зерновых на область и Березовку в том числе обрушились дожди. Хорошо, сенокос к тому времени в основном успели завершить. Хотя то сено, что осталось в копнах, могло промочить, в стогах же, укрытых пленкой, оно

сохранялось куда надежнее. Но не все успели сметать сено в стога и завезти на сеновалы. Любезный сердцу селянина скот, надежда и опора в обеспечении семейного благополучия, рисковал остаться в зиму на скудном пайке. В довершение ко всему вода, прибывающая с каждым часом, затопила все низинные участки, в том числе и в усадьбах, расположенных ближе к реке. В их число попало и хозяйство Боркиных. Эммануил Ильич, пользуясь перерывом в ливне, пришел к нам за лодкой: надо было поглубже забить несколько кольев в изгороди, там, где земля была сильнее всего размыва и изгородь, того и гляди, могла уплыть. Болотные сапоги для такой работы были коротковаты — вода там доходила до пояса. Отец снарядил в помощь Боркину меня: забивать колья и удерживать на месте вихляющую резиновую лодку одному ему было бы несподручно.

Усадьба нашего товарища по рыбалке вызвала горестные чувства: нижняя половина огорода вся затоплена, почище, чем в весенний паводок; вода едва не добралась до дома, но все прибывала, и тревога хозяев была нешуточной. Хорошо то, что картошка посажена в верхней части огорода — за второй хлеб можно было не волноваться. Туда же Боркин перетащил и копны сена, наспех сложив стожок прямо на картошке, — остальное было на дальнем незаливном лугу.

Накачав лодку, мы без промедления принялись за дело: Эммануил Ильич обухом колуна вгонял поглубже колья, причем после каждого взмаха рисковал обрушиться вместе с колуном в воду — попадать этим инструментом по узкому торцу кола было непросто и стоя твердо на земле, а с лодки это было делать почти невозможно. Тогда была взята сосновая чурка и дело пошло куда веселее. Я удерживал судно, ухватившись за верхние жерди изгороди, которая вот-вот готова была пуститься в свободное плавание. Мы успели вовремя укрепить ее и, довольные сделанным, в поту и насквозь промокшие, вернулись на твердую землю.

— Ну, раз уж мы намокли, то почему бы нам не порыбачить без отрыва от усадьбы? Что-то все мы да мы за рыбой, а нынче она сама к нам. Хочешь глянуть? — говорил Мануил, как всегда, громко, и на это дело вышли посмотреть его супруга Юлия Яковлевна и трехлетняя Лизка: как мы ремонтировали изгородь, им не было видно из-за хозпостроек на участке, но рыбалку почти прямо под окнами они пропустить не могли. Так ли уж увлекательно это занятие?

Вместо бредня глава семейства принес из кладовки старую тюлевую занавеску и забросил один ее конец подальше в воду, предварительно зайдя в нее по колено. Обратно он вытянул невод с тремя карасиками-пятаками.

— Лыба, — деловито пояснила Лизка.

— Держи, — подал он мне один край занавески, — зайдём поглубже.

Мы подошли к затопленному до половины парнику с огурцами и тут сделали тоню. Улов составил несколько более крупных карасей, пригоршню прежних пятак и два окунька. Лизка была в восторге. Юлия Яковлевна при виде растущей груды карасиков только всплескивала руками. За час мы наловили почти ведро золотистой мелочи и выхватили из родной стихии порядочного окуня, а в завершение еще нарвали огурцов, забредя в парник, где тоже бултыхались рыбешки.

— Возьми вот, Леша, — сказал Боркин, высыпав половину рыбьей мелочи в полиэтиленовый пакет. — На что-нибудь пригодится. — И в качестве довеска он присовокупил окуня-тяжеловеса.

Вообще в те ненастные дни рыба паслась на заливных лугах, на разлившихся болотах, на утгах, в низинных огородах. Откуда ее вдруг столько взялось — неизвестно. Хотя большей частью это была мелюзга, но все-таки. Надо полагать, русла рек и ложа озер обезрыбели — вся живность двинулась на освоение новых угодий, где было чем поживиться. То же самое делали и рыбаки. Но это уже другая история.

ПРАЗДНИК НА УЛИЦЕ БОРКИНА

Поздние августовские дожди наделали много хлопот, принеся единственную пользу: в лесах слой за слоем поднималось несметное количество грибов. Грузди собирали не то что ведрами, а даже ваннами. Более умеренных в размерах рыжиков было собрано тоже великое множество. Прочие грибы также не оставались без внимания, хотя и не пользовались таким почетом, как эти первые. Остававшаяся мутной в продолжение недели вода наконец просветлела, и мы втроем, как чаще всего и прежде, решили сделать вылазку на реку.

— Рыбешка, можно думать, проголодалась, пока плыл мусор и вся эта муть, — размышлял вслух Боркин. — Так что, Лексей, не дремай.

— Рад стараться.

Как всегда перед большой и давно ожидаемой рыбалкой, настроение у всех было приподнятое. Боркин, кроме всего, получил предложение на репетиторство, которое в Березовке почиталось за верх респектабельности. А для репетитора — какие-то деньги. Но репетиторству — час, рыбалке — время. Он взял на этот раз спиннинг, поскольку идти собирались далеко — на Тройную яму, в болотных сапогах это удовольствие сомнительное. Хотя и лески и обманки он все же захватил. Я тоже взял набор обманок, а Николай Михайлович, как всегда, свои испытанные донки и поплавочные снасти. Договорились идти до самой ямы, нигде не задерживаясь, иначе, будь где-то хоть малый клев, до нее мы так и не доберемся. А уж если на Тройной не повезет, на обратном пути попытаем счастья в других известных нам уловистых местах.

Яма на этот раз казалась особенно громадной и дикой — хоть вода и спала, но все еще была высока, и по яме ходили водовороты, кружа в воронках кусты, сучья и всякий мусор, которому никак не удавалось вырваться на вольное течение; по временам обрушивались в воду куски подмытого берега, который с каждым годом отступал здесь все дальше.

— Ну, начнем, что ли? — унимая дрожь охотника в руках, задал риторический вопрос наш старейшина, и мы взялись за свои снасти.

Я углядел брошенное кем-то, еще вполне сырое и гибкое удилище, привязать леску с мушкой было делом одной минуты, и вот поддельная муха прыгает в мелких частых волнах. Где вы, ленки и хариусы? Первую слабую поклевку я прозевал. Но вскоре последовала вторая, и тут я подсек вовремя. Рыба попалась не мелкая, но как будто сидела на крючке крепко. Оставался пустяк — выбросить ее на берег высотой метра полтора. Но ничего другого не оставалось. Подтянув добычу под самый обрыв, я, постепенно ускоряя движение удилища, потянул ее вверх. Нет! Ленок был слишком тяжел — губа порвалась и рыбина шлепнулась обратно в воду. Сгоряча я едва не сиганул за ней. Боркин, хлеставший спиннингом невдалеке от меня, сочувственно покачал головой и поднял кулак: «крепись!». Следуя за течением, я скоро оторвался от него, выхватил из Тройной пару небольших хариусов и такого же невеликого ленка. Но яма еще не закончилась, недаром же называлась Тройной — она тянулась почти на полкилометра. Однако очередной поклевки я не дождался: позади послышался шумный плеск воды, а вслед за тем возбужденный голос Михалыча:

— Держи спиннинг прямо, чтоб его, держи!

Боркин, точно, старался держать спиннинг «прямо», но мощные рывки с другой стороны лески то и дело склоняли удилище вниз. Вот где пожалел, наверное, невезучий рыболлов, что нет у него сейчас заводского удилища, которые он самонадеянно отвергал: свое он выполнил из березы, причем обрезав вершинку, — это теперь была почти негнущаяся палка, под стать миллиметровой леске и почти якорному крючку на блесне. В кои веки заключившую крупную рыбу он рисковал упустить.

Беда, известно, не ходит одна: если даже рыбина не сорвется, как вытянуть ее на берег? Надо было идти вниз по течению, метрах в ста берег понижался, но тут мешали кусты. На них мы и навалились с Николаем Михайловичем, соединенными усилиями пригибая к земле, пока Боркин протаскивал леску поверху. Исцарапанные и запыхавшиеся, занятые этим трудоемким делом, мы даже толком не замечали небывалых борений его с рыбой. Между тем мощные удары хвоста становились все ближе: не обращая внимания на сбитые катушкой пальцы, Боркин неотступно подтягивал пожирателя блесен к берегу.

— Таймень! — выдохнул Николай Михайлович.

— Таймень... — эхом отозвался я.

Наконец берег стал ниже, все прочие кусты сменила молодая поросль тальника, и тут уже Боркин мог пробираться вполне самостоятельно. Улучив момент, он ахнул, зажал ладонью барабан катушки и бегом попятился дальше на берег, выволакивая свой улов. Мы с Михалычем были наготове и коршунами кинулись на добычу, в четыре руки схватив ее и помогая спиннингисту тащить подальше от воды. Это была щука, надо полагать хозяйка Тройной ямы или уж, по крайней мере, одной из этих трех ям. Толщиной с ногу легкоатлета-перворазрядника, она была и довольно длинна. Разметая хвостом песок и гальку, рыбина намотала себе на голову и запутала леску и продолжала яриться, пока Боркин не решил положить этому конец, отыскав подходящий камень. Но я успел сфотографировать этот и все последующие моменты, когда сообразил, что история не простит нам такой промашки.

Наше триумфальное шествие с тяжелой красноперой щукой наверняка останется в анналах Березовки — такую рыбу здесь давно не добывали. Хотя поход был утомительный: мы с хозяином улова попеременно несли этот улов, а Николай Михайлович — весь остальной и спиннинг со славным кривоватым березовым удилицем. Пользуясь пересменкой в несении груза, я направился с щукой к ближайшему магазину:

— Взвесим.

Боркин было запротестовал, но наш аксакал поддержал меня, и мы появились на заднем дворе магазина, где вызвали переполюх среди оптовых покупателей водки, куриных окорочков и прочей провизии. Здесь стояли большие «скотские» весы. Щука потянула на семнадцать с половиной килограммов.

— Почему килограмм?

— Продано!

— Все?

— Все. Еще аванс получили. В счет следующей щуки.

Назавтра Эмманиуил Ильич пригласил нас на щуку. Неизвестно, какой и в каких объемах он гнал спирт, но угощал он гостей обычной рашн водкой. Николай Михайлович подарил ему набор блесен, а я — удилице заводского производства. На всякий случай. На днях я собирался уезжать к месту своей дислокации — реорганизация фирмы наконец завершилась, о чем меня и уведомили сначала кадровичка, потом замдиректора, а в заключение и сам директор. Надо думать, радость распирала их.

— А то, может, останешься? — спросил Боркин, рассматривая на свет чарку. — Будем ходить на рыбалку — сам видишь, рыба еще есть, — кивнул он на огромное блюдо с кусками жареной щуки. — Зимой — на охоту, а?

— Да нет уж, Мануил Ильич, поеду. Там ждут.

